

**Чешский язык в полиэтничном окружении
(обзор полевого исследования 2019 года
в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине)**

Борисов Сергей Александрович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект 32-А
E-mail: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Цитирование: *Борисов С. А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02

Статья поступила в редакцию 12.06.2020.

Аннотация

В статье представлен обзор полевого исследования, проведенного среди чехов в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине в 2019 г., излагаются первые результаты, приводятся образцы расшифрованных текстов. Целью экспедиции был сбор нарративов для собственно лингвистического исследования контактных элементов, беседы велись в том числе об истории переселений чехов на Балканы, материальной народной культуре, взаимодействии с другими славянскими и неславянскими этносами. В трех изученных регионах чешский язык сохраняется неодинаково в силу ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. В Боснии и Герцеговине чехов осталось очень мало, чешский язык является родным только для пожилых людей, проживающих в сельской местности. В Сербии существует несколько школ, где преподается чешский язык и культура, а в Румынии есть школы, где в начальных классах все предметы ведутся на чешском. Полученный языковой материал является ценным источником для изучения местных чешских диалектов и контактных явлений (заимствований, переключений кода). Особый интерес для социолингвистики также представляют выявленные метаязыковые высказывания, с помощью которых

информанты комментируют трудности, возникшие при использовании ими чешского языка в беседе с исследователем.

Ключевые слова

Социолингвистика, языковые контакты, чешский язык, билингвизм, многоязычие, языковая ситуация, Румыния, Босния и Герцеговина, Сербия, этнические меньшинства, полевое исследование.

0.0. Сотрудниками Института славяноведения РАН С. А. Борисовым и Г. П. Пилипенко с 9 по 23 сентября 2019 г. проводилось полевое исследование среди чешского этнического меньшинства в Южнобанатском округе Автономного края Воеводина в Сербии¹, в румынских жудецах Караш-Северин и Мехединци², а также в северо-западной части Республики Сербской в Боснии и Герцеговине³. Данная экспедиция является продолжением работы по изучению языка чешских меньшинств на Балканах, начатой автором во время поездки в Хорватию (г. Дарувар и сёла в Бьеловарско-Билогорской жупании) в мае 2019 г.⁴ Целью исследования является анализ языковой ситуации у чехов в инославянском и неславянском этноконфессиональном окружении.

0.1. В статье представлен краткий обзор существующих исследований, посвященных языковой ситуации в чешских общинах сербского и румынского Баната, а также Боснии и Герцеговины (п. 1), описывается

1 Автор благодарит д-ра Билянну Сикимич (Институт балканистики САНИ, Белград) за предоставленные контакты в Сербии, ценные консультации, касающиеся особенностей диалектов и традиций народов, проживающих на сербско-румынском пограничье, и всестороннюю поддержку наших исследований.

2 За помощь в полевой работе и предоставленные контакты в Румынии автор выражает благодарность председателю Южнобанатского представительства Демократического союза чехов и словаков в Румынии Франтишеку Дракселу (Молдова-Ноуэ).

3 За помощь в полевой работе и предоставленные контакты в Боснии и Герцеговине автор благодарит члена Союза национальных меньшинств проф. д-ра Желько Вашко (Баня-Лука), председателя чешской беседы «Нова-Вес» Векослава Краатофила (Нова-Вес), председателя чешской беседы «Мачино-Брдо» Зденку Гаск (Мачино-Брдо). Работа в Боснии и Герцеговине велась при поддержке филологического факультета Университета Баня-Луки.

4 Об этой экспедиции см.: (Борисов, Пилипенко 2019: 593–604).

маршрут экспедиции (п. 2), метод исследования, дается характеристика материала (п. 3). Далее приводятся первые результаты анализа нарративов (пп. 4–6), формулируются общие выводы (п. 7).

1. Исследования данных миноритарных сообществ в первой половине XX в. носили в основном историко-этнографический характер. Среди них можно выделить работы Я. Ауэрхана, в одной из которых была описана численность и структура чешских колоний в Югославии, Румынии, Венгрии и Болгарии в 1921 г. (Auerhan 1921); Р. Урбана, в 1930 г. описавшего историю чешских и словацких колоний в Румынии (Urban 1930) и давшего краткую общую характеристику состояния чешского языка в них как «довольно чистого и мало подверженного влиянию иноязычных элементов»⁵. Подробные собственно лингвистические исследования начинают проводиться в 60-е гг. XX в. В Банате в это время работал чешский лингвист, один из авторов Чешского языкового атласа, С. Утешены. В рамках первой экспедиции в Румынию он посетил села Сфынта-Елена и Гырник (Utěšený 1962), во время второй — Эйбенталь и Бигэр (Utěšený 1964). Там же в 60-е гг. работал румынский богемист Г. Чипля, изучавший фонетику (Ciplea 1963) и диалектную основу (Ciplea 1967) местных чешских говоров. В 1967 г. С. Утешены посетил сербскую часть Баната, а именно Бела-Цркву, Крушчицу и Чешко-Село (Utěšený 1970). В экспедиции также принимала участие С. Попович, богемист из Белграда, изучавшая в это же время язык чехов в Боснии и Герцеговине (сёла Нова-Вес и Мачино-Брдо), см. (Popović 1968). Современные исследования чешских миноритарных сообществ в рассматриваемых регионах вновь затрагивают историческую и этнографическую проблематику. В 2011 г. в Румынии вышла монография Д. Гече об истории чешских общин в Румынии (Gecse 2011) (переведена на чешский язык в 2013 г.: Gecse 2013), в которой представлен подробный обзор поэтапной колонизации чехами территорий в румынском Банате, описаны их традиции, различные аспекты быта, религиозной жизни, образования на протяжении XIX–XX вв. Подобное антропологическое исследование в Боснии и Герцеговине проводил З. Угерек (Uherek 2011). Объемный труд «Земляки: По следам чехов в Восточной Европе» (Krajané 2009), вышедший под общей редакцией П. Кокаисла, представляет собой обзор современного состояния чешских сообществ во всей Восточной Европе. Собственно лингвистическая проблематика, к сожалению, в современных работах представлена

5 Цит. по: (Utěšený 1962: 201).

очень слабо. Исключением можно назвать работы К. Вискочиловой, которая изучала речь чехов села Бигэр с применением методов корпусной лингвистики (Vyskočilová 2016).

2.1. По данным переписи населения 2011 г., в Сербии проживает 1824 представителя чешского национального меньшинства. Наиболее компактно — в общине Бела-Црква в Южнобанатском округе автономного края Воеводина (644 чел.) (Етноконфесионални и језички мозаик 2014: 119). Чешский язык называют своим родным 810 человек во всей Сербии, из них 567 — в Воеводине (ibid.: 154). В общине Бела-Црква он имеет статус официального (Statut opštine Bela Crkva 2008). Участники экспедиции 2019 г. посетили города Бела-Црква (Bela Crkva) и Вршац (Vršac), а также сёла Крушчица (Kruščica), Чешко-Село (Češko Selo) в общине Бела-Црква.

Общение с представителями чешского меньшинства проходило в основном в с. Крушчица, расположенном на возвышенности в 5 км от г. Бела-Црква. Католическая церковь в Крушчице посвящена святому Вацлаву⁶. В селе находится одна из «чешских бесед» — культурный центр, помещение которого используют для проведения национальных мероприятий — традиционных праздников и фестивалей народной культуры. В Крушчице есть школа, в которой ученики 1–4 классов могут в качестве факультатива выбрать предмет «чешский язык с элементами национальной культуры». Такая же возможность есть у учеников двух школ в Бела-Цркве. Для взрослых курсы чешского языка организует учитель, работающий в Сербии в рамках программы Министерства образования Чешской Республики по сохранению чешского языка среди соотечественников за рубежом. Автор настоящей статьи побывал на одном из таких занятий, которое проводил учитель Станислав Гавел в г. Вршац. Стоит отметить, что курсы чешского языка пользуются популярностью не только среди местных чехов: на вводном уроке присутствовали и сербские подростки, чьи родители рекомендовали им выучить чешский язык для дальнейшей учебы в Чехии.

2.2. По завершении работы в Сербии исследователи отправились в Румынию, где на момент переписи населения 2011 г. проживало 2477 чехов. Целесообразность параллельного изучения миноритарного сообщества в этой стране объясняется тем, что чешская колонизация

6 Автор выражает благодарность ключнице костела св. Вацлава Барбаре Гановой за подробные рассказы о местных традициях, а также за неоценимую помощь и поддержку нашего исследования.

Баната в XIX в. началась именно с его горных районов, которые принадлежат современной Румынии. Речь идет о населенных пунктах в жудецах Караш-Северин (где проживает 1230 представителей чешского этноса — 49,7% всех румынских чехов) и Мехединци (321 чел. — 13% всех чехов в Румынии) (*Populația după etnie 2011*). Примечательно, что в Румынии процент респондентов-чехов, назвавших своим родным чешский язык, очень высок: 2174 чел. — 87,8% (*Populația după limba maternă 2011*). Исследователи посетили следующие населенные пункты в жудеце Караш-Северин: Златица (рум. *Zlatița*, чеш. *Zlatice*), Молдова-Ноуэ (рум. *Moldova Nouă*, чеш. *Nová Moldova*), Сфынта-Елена (рум. *Sfânta Elena*, чеш. *Svatá Helena*), Бэйле-Херкулане (рум. *Băile Herculane*, чеш. *Herkulovy lázně*), Шумица (рум. *Șumița*, чеш. *Šumice*); в жудеце Мехединци: Эйбенталь (рум. *Eibenthal*, чеш. *Eibental / Tisové Údolí*⁸).

В населенном пункте Сфынта-Елена исследователи посетили чешскую школу, в которой преподавание с 1 по 4 класс ведется полностью на чешском языке, а в программе 5–8 классов присутствуют предметы «чешский язык» и «история и традиции чешского меньшинства в Румынии»⁹. Стены в коридорах школы украшают яркие рисунки на сюжет переселения чехов в Банат, выполненные по «эскизам» учеников младших классов. Село Сфынта-Елена, которое местные чехи называют *Svatá Helena*, — одно из мест первичного расселения чешских колонистов в Банате, которых на сегодняшний день сохранилось шесть; из них исследователи посетили также сёла Эйбенталь и Шумицу. Все они расположены в гористой местности — об этом и о том, что переселенцы были недовольны новыми условиями жизни, которые оказались гораздо тяжелее, чем обещал австрийский двор, автору статьи уже было известно из письменных источников (Krajané 2009: 21–27; Gecse 2013: 34–40) и рассказов сербских чехов. Так, дорога к с. Эйбенталь и сегодня является довольно сложной для автомобилистов: она представляет собой однополосный извилистый подъем, на котором относительно редко встречаются «карманы» для разъезда встречного транспорта. На сегодняшний день она является основной благодаря тому, что имеет асфальтовое покрытие. Раньше, однако, на

7 В беседах с местными чехами также встречался вариант *Herkules*.

8 Вариант *Tisové Údolí* является калькой нем. *Eibenthal* ‘тисовая долина’ и представлен, например, на стеле при въезде в населенный пункт. Это название тем не менее является неофициальным, причем сами местные чехи не пользовались им во время интервью.

9 Об этом см. также: (Gecse 2013: 444–449).

ее месте проходили рельсы для вагонеток, перевозивших антрацит, который добывали в соседнем селе Байа-Ноуэ (рум. *Baia Nouă*, чеш. *Nové Doly*, венг. *Ujbánye*), а для проезда использовалась другая дорога, существующая и сейчас и имеющая грунтовое покрытие. Так или иначе, асфальтированная дорога используется чаще. Чешские сёла в Румынии входят в развитую инфраструктуру современного сельского и этнотуризма: из Чехии приезжают экскурсии к «землякам» (чеш. *krajané*) — туристы останавливаются на ночлег у местных жителей, в Эйбентале есть ресторан чешской кухни и пивная, оформленная в традиционном стиле¹⁰. Также участники экспедиции посетили населенный пункт Златица, находящийся вблизи пограничной реки Нера, разделяющей Румынию и Сербию.

2.3. Последней страной, в которой экспедиция обследовала чешское население, стала Босния и Герцеговина, а именно несколько населенных пунктов в Республике Сербской: города Баня-Лука (*Banja Luka*), Приедор (*Prijedor*), Прнявор (*Prnjavor*), сёла Мачино-Брдо (*Maćino Brdo*), Лужани (*Lužani*) в общине Прнявор; Нова-Вес (*Nova Ves*) в общине Србац (*Srbac*). По данным переписи населения 2013 г., в Республике Сербской проживает 218 чехов, а своим родным чешский язык считают 56 человек. Можно проследить следующее распределение по общинам и городам, где проживает более десятка чехов: Баня-Лука (9/47¹¹), Градишка (2/18), Приедор (10/57), Прнявор (14/46), Србац (12/17) (Перепись 2017). Причина такого распределения заключается в том, что чешский как язык повседневного общения сохраняется только в трех чешских сообществах в населенных пунктах Приедор, Мачино-Брдо (община Прнявор) и Нова-Вес (община Србац). В Баня-Луке существует Совет национальных меньшинств Республики Сербской — общественная организация, занимающаяся вопросами сохранения языка и культуры 12 миноритарных сообществ региона. Мероприятия, проводимые Советом и отдельными чешскими беседами, привлекают внимание не только представителей меньшинства, но и других жителей данных общин¹². Автор настоящей статьи посетил чешские беседы в Приедоре и Нова-Веси. В Приедоре удалось ознакомиться с книжным фондом местной чешской библиотеки, а также посетить католическую церковь святого Йосипа,

10 См. также: (Gecse 2013: 439–440).

11 В скобках указано количество человек с родным чешским по отношению к количеству всех чехов, проживающих в данном регионе.

12 Об этом см. также: (Krajané 2009: 404, 415).

восстановленную после войны 1992–1995 гг., а в селе Нова-Вес — храм Девы Марии.

3. Всего за время экспедиции было опрошено 15 информантов в Сербии (19 часов аудио), 23 информанта в Румынии (13,5 часов аудио), 16 информантов в Боснии и Герцеговине (13 часов аудио). Общая длительность аудиозаписей составила 45,5 часов, также было сделано несколько видеозаписей общей длительностью около часа. Большая часть собеседников принадлежала к старшему поколению, удалось побеседовать также с информантами среднего возраста и с одним представителем молодого поколения — этническим чехом, не владеющим чешским как родным, а выучившим его в университете Баня-Луки. Кроме того, был собран фотоматериал: фотографии населенных пунктов, лингвистического ландшафта, предметов быта, сельскохозяйственных построек и орудий труда, портреты информантов. Также были задокументированы надгробные памятники на кладбищах в Сербии: в Бела-Цркве, Крушчице; в Румынии: в Сфынта-Елене, Златице, Шумице; в Боснии и Герцеговине: в Нова-Веси и Мачино-Брдо.

Интервью в большинстве случаев проводились на чешском языке, исключение составляют несколько бесед в Боснии и Герцеговине. Так, разговор с тремя информантами в г. Приедор осуществлялся на сербском, поскольку собеседники-чехи владели чешским языком лишь пассивно. Во время двух интервью в с. Мачино-Брдо разговор шел частично на сербском по причине присутствия информантки, не владеющей чешским языком. В Румынии часть интервью с чехами проходила также на румынском и на сербском. Беседы велись о традиционных ремеслах, повседневных занятиях информантов. Обсуждались история переселений чехов в данный регион, современное состояние миноритарных общин, например наличие чешских культурных, общественных и образовательных учреждений, проведение богослужений на чешском языке в местных храмах. Были записаны также приграничные нарративы (о переходе через пограничную реку Неру; о переправе через Саву до того, как по ней была проведена граница между Боснией и Герцеговиной и Хорватией)¹³. Круг тем позволил активизировать употребление информантами лексем из

13 В ходе экспедиции использовался опросник, составленный автором с использованием книги (Валенцова 2016), а также частично анкеты (Плотникова 2009: 58–76) и дополненный с учетом цели и задач исследования.

различных сфер деятельности. В задачи исследования также входила фиксация контактных явлений: заимствований, фактов переключения кодов, интерференций. Интервью были полуструктурированными, проводились в форме свободной беседы, когда исследователь не прерывает информанта, но реагирует на повествование, задавая уточняющие вопросы или вопросы, позволяющие перейти к следующей интересующей его теме. Конкретные лексемы и формы уточнялись по ходу беседы¹⁴.

4. По отношению ко всем посещенным исследователями регионам можно говорить о сложном этноконфессиональном ландшафте, где чехи контактируют не только с представителями этнического большинства, но и с другими диаспорами. Так, в Воеводине в непосредственной близости от чешских сел находятся населенные пункты, где проживают румыны (например, Стража, серб. *Straža*, рум. *Strajă*), венгры (например, Добричево, серб. *Dobričevo*, венг. *Udvarszállás*), цыгане. До 1945 г. проживали также немцы, память о которых сохраняется в рассказах представителей старшего поколения, в том числе в виде использования старых топонимов (например, город Бела-Црква пожилые люди как в Сербии, так и в соседней Румынии до сих пор называют Вайскирх (от нем. *Weißkirchen*)¹⁵. Примеры из интервью, записанных в с. Крушчица: *a moje d'et'i si ve Vajskirxu* (а мои дети в Вайскирхе); *vozil do Vajskirxu* (ездил в Вайскирх). В конфессиональном отношении чехи в Сербии — преимущественно католики, некоторая их часть — протестанты; сербы, составляющие большинство населения, — православные. В Румынии в местах первичного расселения чехов, о которых шла речь выше, на протяжении XIX в. и практически до 1989 г., наоборот, складывалось относительно изолированное сообщество, что способствовало консервации чешского языка и культуры. Тем не менее контакты имели место: прежде всего с румынами, сербами, венграми и цыганами. Следующие примеры иллюстрируют языковую ситуацию как многоязычие, которое сегодня является обыденным явлением для чешского сообщества в Румынии. Информантка приводит выражения на венгерском, цыганском (северновалашский вариант), сербском (косовско-ресавский диалект) и румынском (банатский диалект). Курсивом в примерах (4.1)–(4.4) обозначены слова и фразы не на чешском языке.

14 Ср. похожий метод: (Пилипенко 2018: 291; Ганенкова 2018: 119).

15 Ср.: (Utěšený 1962: 202).

(4.1)	<p>Sloužila sem furt. Važila sem, prala sem, u n'akoho doktora sem bila aš votaj vodešel, von bil e-e ten e mad'ar¹⁶. A vona bila n'emcojka [рум. <i>nețoaică</i>]. A pak sem sloužila u n'aki s-srpki. A e-e vona mn'ela tetu mad'arku, a ja sem k n'i hod'ila, a vona na mn'e mluvila (je)nom mad'arski. A tak sem se naučila mad'arski teda, al uš sem to zapomn'ela, <i>közöm szepen, kezzem csókolom</i> [венг. <i>közönöm szépen, kezét csókolom</i>]. A tam bili blisko cikán'i, ja sem se naučila cikánski. <i>Bengo nakhe(l), kaže, hata (xata) phure</i>¹⁷.</p>	<p>Я всё время прислуживала. Я варила, стирала, была у одного доктора, пока он не уехал, он был этот, венгр. А она была (рум.) <i>немка</i>. А потом я прислуживала у одной сербки. А у нее была тетя венгерка, я к ней ходила, а она со мной разговаривала только на венгерском. Ну и так я выучила венгерский, но я уже всё это забыла, (венг.) <i>большое спасибо, целую ручки</i>. И были там близко цыгане, так что я выучила цыганский (цыг.) <i>Идет дьявол, говорит, вон старый</i> (А. С.¹⁸, Сфынта-Елена, Румыния).</p>
(4.2)	<p>A srpski, u jedni srpki sem sloužila teda, vona povida na mne: «Anka, <i>idi donesi mi bili lukac</i>». Ja šla do špajzu: gde je <i>bili lukac</i>? Pak sem šla:</p>	<p>А сербский — у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: «Анка, иди, принеси мне <i>bili lukac</i> (серб. диал. 'чеснок', букв. «белый лук»)». Я пошла в кладовку: где <i>bili lukac</i>?</p>

16 В примерах используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии с некоторыми модификациями. Мягкость обозначается апострофом: *mad'ar*. Долгота гласных обозначена только там, где она встречается в речи информантов. Отсутствие долготы по сравнению с чешской литературной нормой может объясняться как особенностями диалектной основы современных форм существования чешского языка в посещенных регионах, так и результатом языковых контактов (об этом см., например: Popović 1967: 37–42). Для обозначения заднеязычного согласного, обозначаемого в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции используется символ *x*. Для транскрипции цитат на других языках используется запись, приближенная к стандартной орфографии этих языков.

17 Транскрипция фразы на цыганском д-ра Биляны Сикимич, Институт балканистики САНИ. Данная фраза, однако, не может быть переведена адекватно, поскольку собеседница воспроизводит ее с ошибкой (неточно передана этой собеседницей и венгерская фраза).

18 Жен., 84 года, чешка.

	<p>«Pa, do(a)mna, acolo nu e niciunde»¹⁹. A vona: «Pa este, Anka, du-te să-l caut (cauți)!» — «Do(a)mna, l-am căuta(t) peste tot, dar nu e». Von to bil česnek. Po srpski bile luka(c).</p>	<p>Потом прихожу: «(рум.) Госпожа, там нигде нет». А она: «(рум.) Да есть же, Анка, иди его поищи!» — «Госпожа, я его искала везде, но его нет». А это был чеснок. На сербском <i>bile(i) lukas</i> (А. С., Сфынта-Елена, Румыния).</p>
(4.3)	<p>Pak me poveda jednou, že pri sed'ela takle f pokoji, a žika: «Anka, donesi mi marambici [серб. <i>maramica</i> / рум. <i>mărămiță</i>]!» Ale ja hledam kočku, mi-ic mi-ic (рум. орфогр. <i>miț</i>)! «Păi, do(a)mna, aicia nu e pisica niciunde». — «Anka, ai căutat pisica?» A vona se smala. Von to bil kapecnik, po srpsku.</p>	<p>Потом она мне как-то говорит, сидела она вот так в комнате и говорит: «Анка, принеси мне <i>marambici</i> (серб./рум. платок!)» А я ищу кошку: кис-кис (<i>mic, mic</i>)! «Госпожа, там нигде нет кошки». — «Анка, ты искала кошку?» И она смеялась. А это был платок, на сербском (А. С., Сфынта-Елена, Румыния).</p>
(4.4)	<p>«Anka, idi operi sudove!» A ja pam, pane Ježiši vona blázen nebo si strat'ila rozum. Te ja polezu po sudu, von'i tam srbáci lezou po žebříku. Do sudu, meli ti kad'e velki, von'i na vinogradux ne, toho vína ne. A ja: «Păi, do(a)mna, iou (eu) nu pot să mă urc cu scara acolo». Vona pa: «Unde vrei să te urci?» Ja: «Pa, mâncarați nu nu». A vono to bilo nádobi, sudove, ne. Al ja misela sudi.</p>	<p>«Анка, (серб.) иди помой посуду!» А я говорю, Господи Иисусе, она сумасшедшая или потеряла разум. Я полезу по бочке (чеш. <i>sud</i> 'бочка'), они, сербы, туда залезают по лестнице, в бочку, у них были такие кадки большие, для винограда. А я: «(рум.) Госпожа, я не могу подняться по лестнице туда». Она: «(рум.) А куда ты хочешь подняться?» А я: «(рум.) Ну вы не ешьте»²⁰. А это была посуда, <i>sudove</i> (серб. 'посуда'). А я думала, бочки (А. С., Сфынта-Елена, Румыния).</p>

Иная ситуация складывалась в населенном пункте Златица, который расположен вблизи пограничной реки Нера, разделяющей

19 За помощь в расшифровке румынских фраз здесь и далее автор благодарит Г. П. Пилипенко и Сильвану Андреас (Тимишоара).

20 Адекватный перевод данной фразы также представляется затруднительным по причине недостаточности контекста и возможных ошибок в речи собеседницы.

современные Румынию и Сербию. Это село является своеобразным перевалочным пунктом на пути переселений чехов из румынской части Баната в сербскую. На протяжении XX в. чехи здесь были третьей по численности этнической группой и остаются таковой до сегодняшнего дня. Этнический состав Златицы в 2002 г. выглядел следующим образом: румыны (340 чел.), сербы (253 чел.) и чехи (103 чел.) (Varga [2002]: 97).

В конфессиональном отношении румынские чехи в основном католики, однако особый интерес представляет ситуация в селе Сфынта-Елена. В самом начале колонизации, в 1830 г., здесь насчитывалось 252 католика и 86 евангелистов. Однако с 1870-х гг. евангелические службы всё чаще совершаются на венгерском языке, идет процесс мадьяризации чешского населения, из-за чего многие евангелисты примыкают сначала к адвентистам, которые не признавались конфессией в Румынии, а потом к баптистам. Построенный в 1890-е гг. евангелический костел был передан общине баптистов в 1979 г. (Gecse 2013: 218–230)

Весьма сложная этноконфессиональная ситуация и в местах проживания чешского сообщества в Боснии и Герцеговине. Чехи-католики живут здесь в окружении православных сербов, украинцев греко-католиков, католиков-хорватов и мусульман.

5. По причине тесных контактов чехов с другими этническими группами в разговоре с информантами часто обсуждались прозвища-этнонимы (в примерах (5.1), (5.2) обозначены курсивом). В Сербии, Боснии и Герцеговине, а также в Хорватии (где исследователи побывали с экспедицией в мае 2019 г.) местные жители из числа этнического большинства называют чехов *petci* (*petac*, *petkinja*)²¹ — производное от нем. *Böhm*²². Так называли переселенцев, прибывших в середине XIX в. из Чешского королевства (нем. *Böhmen*, Богемия). По словам информантки из с. Нова-Вес, страну, откуда пришли чешские переселенцы, в свою очередь, называют *Pemija*²³.

21 Ср.: (Речник 1971: 382). Лексема *Пемац* дана с пометой «пейоративно».

22 См. об этом, например: (Rajković 2005: 237).

23 Примечательно, что в окрестностях Дарувара, являющегося центром чешского меньшинства в Хорватии, Пемия (*Pemija*) — это неофициальное название населенного пункта Иваново-Село (*Ivanovo Selo*), куда в XIX в. прибывали первые переселенцы из Чехии (Богемии) в Славонию (Škiljan 2016: 268–271).

(5.1)	<p>L. V.: Ja, mn' e teta Karolina vkladala, to bila stara babička, devadesat šest let mn' ela, že to bila n' ekde <i>Pemija</i>.</p> <p>V. K.: Bohemija. A pak si z val' da od toto, Bohemija n' ekdi bila Češka. E pak diš kdesi tak n' egdo nežekl, xt' el žic bohemi, pa že val' da žekli <i>pemci</i>, tak to pak se... Špasovali ste.</p> <p>L. V.: Ta Bohemija n' ejaka že bila i že po tim se, ona mn' e to tak vkladala. Že ti <i>pemci</i> sme mi dostali tadi.</p> <p>V. K.: Bohemci.</p>	<p>Л. В.²⁴: Да, мне тетя Каролина рассказывала, это была старая бабушка, ей было 96 лет, что была где-то Пемия.</p> <p>В. К.²⁵: Богемия. А потом, наверное, от этого, Богемия когда-то была Чехия. И потом где-то так кто-то сказал, хотел сказать «богемцы», а сказал вроде «пемцы», так оно потом... Шутили.</p> <p>Л. В.: Что Богемия какая-то была, и что поэтому, она мне это так рассказывала. Что пемцы, мы, пришли сюда.</p> <p>В. К.: Богемцы (Нова-Вес, Босния и Герцеговина).</p>
-------	---	--

Румыны называют чехов похожим образом — *peṁi* [peṁ'] (рум. *peṁ* / *peṁoaică*, чеш. *peṁuch* / *peṁka*). Также в говорах сербского села Свиница (рум. *Svinița*) в Румынии зафиксированы формы *peṁac*, *peṁkinja*, *Peṁska* (Чехия) и *peṁski* 'чешский' (Томић 1984: 191). Для обозначения румын местные чехи используют лексему *valaši*²⁶. В Боснии и Герцеговине также было зафиксировано слово, обозначающее представителей украинского меньшинства, — *galicijani* (от названия региона Галиция, откуда происходило переселение украинцев):

(5.2)	<p>Ja nevim co voni žikaji <i>pemci</i>, proč von' i žikaji <i>pemci</i>. Nevim ja proč žikaji. Možda to n' aka pokrajina. N' akej d' il vodkud pšišli, jak tadi žikaji <i>galicijani</i>. Fšexni mo... voj <i>galcijani</i>! A voni sou ukrajinci.</p>	<p>Я не знаю, чего они говорят «пемцы», почему они говорят «пемцы». Не знаю я, почему говорят. Может, это какой-то край. Какой-то регион, откуда пришли, как здесь говорят «галицианы». Все: ой, ой, галицианы! А они украинцы (З.²⁷, Лужани, Босния и Герцеговина).</p>
-------	---	---

24 Жен., ок. 85 лет, чешка.

25 Муж., ок. 45 лет, чех.

26 Ср.: Valáh // Dicționarul explicative al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009 // Dexonline. URL: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (дата обращения: 09.06.2020).

27 Жен., ок. 60 лет, чешка.

6. В записанных интервью содержится также материал для исследования дискурсивных стратегий двуязычных собеседников: цитации (см. примеры (4.1)–(4.4)), отражение метаязыковой рефлексии, обращение к более компетентному, по мнению говорящих, носителю языка, прикрепление этноконфессиональных ярлыков к высказываниям, констатация незнания информантами тех или иных лексем на языке, на котором они говорят в данный момент, дублирование высказывания на другом языке, вопросы контроля понимания²⁸. В примерах (6.1), (6.2) такие комментарии выделены курсивом.

В следующем отрывке информантка дает расширенный метаязыковой комментарий в связи с употреблением сербского выражения [*imati*] *zakazano* (серб. ‘иметь запись (в поликлинике)’) во время монолога на чешском языке, которое формально схоже с чешской конструкцией [*je*] *zakázáno* (чеш. ‘запрещено’). Она фиксирует свою ошибку и объясняет, какое значение имеет лексема в чешском языке, а какое — в сербском. В конце приводит пример из чешского: *vstup zakázán* «вход запрещен». Интересно, что реплика врача, которую информантка цитирует в этом отрывке, в их беседе произнесена на сербском языке (этот врач — серб), но она приводит ее по-чешски. Однако проблема возникает при назывании процедуры записи на прием, это связано с тем, что ситуация посещения доктора, как правило, связана с использованием сербского языка.

(6.1)	<p>Так <i>puvida</i>: «Ja s vami už nemam nic. Vi ste tej přešli na o... lečbu ke otorinolaringologovi, tak ste tej u nix, tak s nami nemate nic». V pátek du internistovi. Mnela sem zakaza... e za-a... <i>zakazano je to jinač na česki a jinač je to na srpski, z... srpski je to e-e abi ste to za-a... na ten den e-e u-u zařidili. A na srpski zakazani ze... z-zabranit za... u-u-u abi to ne... z-s-stup zákas (f)stupu ne, fstup za... e-e...</i></p>	<p>И он говорит: «Я с вами уже никак не связан. Вы теперь перешли на лечение к отоларингологу, так что вы теперь у них, а с нами никак не связаны». В пятницу я иду к терапевту. У меня <i>zakaza...</i>, э-э-э, <i>zaa... zakazano</i> — это означает по-чешски одно, а по-сербски другое, по-сербски это чтобы вы на этот день <i>записались</i>. А по-сербски (имеет в виду «по-чешски») <i>zakazani</i> — запретить, чтобы не... <i>вход, вход запрещен, вход за...</i> (Б. Г.²⁹, Крушчица, Сербия).</p>
-------	---	---

28 Ср.: (Pilipenko G. P. 2018: 296–302; Борисов, Пилипенко 2020: 127–156).

29 Жен., 71 год, чешка.

Столь расширенный метаязыковой комментарий, как в примере (6.1), можно объяснить присутствием исследователя. Собеседница хочет избежать переключений на сербский. В ситуации, когда с исследователем беседуют одновременно два и более информантов, для коррекции «ошибок» и уточнения тех или иных слов собеседники могут обращаться за помощью друг к другу. В следующем примере один из участников диалога не может вспомнить чешское название месяца и спрашивает его у другого информанта:

(6.2)	<p>J. I.: Ja se jmenuju (имя). Ročník tisíc devjecet čtiricet i sedmej. Třet' i septemb(e)r. <i>Jak se řekne na česki?</i> V.: Zaři. J. I.: Třet' iho zaři.</p>	<p>Й. И.³⁰: Меня зовут (имя). Год рождения 1947. Третье (серб.) сентября. <i>Как сказать по-чешски?</i> В.³¹: Сентябрь. Й. И.: Третьего сентября (Вршац, Сербия).</p>
-------	---	---

7. В ходе экспедиции было выявлено, что чешский язык для представителей миноритарных сообществ в Сербии, Румынии и Боснии и Герцеговине является главным фактором сохранения идентичности в условиях иноязычного и иноконфессионального окружения, процессов естественной ассимиляции и сокращения численности общин. Однако современная языковая ситуация в трех обследованных регионах различается. Так, по данным переписи населения 2013 г., в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) проживает 218 чехов, из которых чешский язык называют своим родным всего 56 человек. Поэтому, например, в г. Приедор нам не удалось записать ни одного полноценного интервью на чешском языке. Чешский язык там пока еще сохраняется в нескольких семьях, проживающих в сельской местности (сёла Нова-Вес и Мачино-Брдо). В Сербии и Румынии чешские сообщества более многочисленны, в местах компактного проживания их представителей существуют школы, в которых преподают чешский язык (в Румынии с 1 по 4 класс все уроки ведутся на чешском). Относительно высокая витальность чешского языка в Румынии может быть объяснена, с одной стороны, географической изолированностью чешских сел в горных регионах румынского Баната, которая сохранялась на протяжении XIX–XX вв., а с другой стороны, тем, что румынский язык принадлежит к

30 Муж., 72 года, чех.

31 Муж., ок. 75 лет, чех.

иной группе языков (а именно романо-балканской подгруппе романских языков), чем чешский, относящийся к западославянским языкам, так как для близкородственных языковых контактов характерна более интенсивная интерференция, что наблюдается у чехов в инославянском окружении в Сербии, Боснии и Герцеговине и Хорватии.

Источники и литература

Борисов, Пилипенко 2019 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Полевое исследование среди венгров и чехов в Центральной Хорватии // *Zbornik Janković. Daruvar*, 2019. Vol. 4. № 4. S. 593–604. DOI: <https://doi.org/10.47325/zj.4.4.21>.

Борисов, Пилипенко 2020 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // *Јужнословенски филолог*. Београд, 2020. Књ. 76, св. 2. С. 127–156. DOI: 10.2298/JFI2002127B.

Валенцова 2016 — *Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2016. 616 с.

Ганенкова 2018 — *Ганенкова Т. С.* Полевое исследование старообрядцев в Польше // *Славяноведение*. 2018. № 2. С. 117–124.

Етноконфесионални и језички мозаик 2014 — *Етноконфесионални и језички мозаик Србије / Бурић В. [и др.]*. Београд: Републички завод за статистику, 2014. 209 с.

Пилипенко 2018 — *Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // *Славянский альманах*. 2018. № 1–2. С. 289–300. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05.

Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 160 с.

Попис 2017 — *Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године. Етничка/национална припадност, вјероисповијест и матерњи језик*. Бања Лука: Републички завод за статистику Републике Српске, 2017. 78 с.

Речник 1971 — *Речник српскохрватскога књижевног језика*. Књ. 4: О–П (ограшје — претња). Нови Сад: Матица Српска, 1971. 1013 с.

Томић 1984 — *Томић М.* Говор Свиничана // *Српски дијалектолошки зборник*. Књ. 30. Расправе и грађа / гл. уред. П. Ивић. Београд, 1984. С. 7–265.

Auerhan 1921 — *Auerhan J.* *Čechoslováci v Jugoslávii, v Rumunsku, v Maďarsku a v Bulharsku*. Praha: Melantrich, 1921. 207 s.

Ciplea 1963 — *Ciplea G.* Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat // *Romanoslavica VII.* București, 1963. P. 211–218.

Ciplea 1967 — *Ciplea G.* Unele caracteristici ale graiului moravo-slovac din Clopidia (Banat) // *Romanoslavica XIV.* București, 1967. P. 283–292.

Gecse 2011 — *Gecse D.* Istoricul comunităților cehe din România (Așezare, evoluție etno-demografică și cultural-profesională). Timișoara: Editura Eubeea, 2011. 424 p.

Gecse 2013 — *Gecse D.* Historie českých komunit v Rumunsku / ed. A. Gecse, překl. z rum. do češ. J. Šabat. Praha: Herrmann & synové, 2013. 464 s.

Krajané 2009 — Krajané: po stopách Čechů ve východní Evropě / Kokašl P. a kol. Praha: Za hranice — Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozně ekonomické fakultě ČZU v Praze, 2009. 437 s.

Pilipenko 2018 — *Pilipenko G. P.* The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an identity marker // *Slověne.* 2018. № 1 (7). P. 281–308.

Popović 1968 — *Popović S.* Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo). Beograd: Filološki Fakultet Beogradskog Univerziteta, 1968. 167 s.

Populația după etnie 2011 — Populația după etnie — macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități / Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul 2: populația stabilă (rezidentă) — structura etnică și confesională // *Recensământul 2011.* Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (дата обращения: 31.05.2020).

Populația după limba maternă 2011 — Populația după limba maternă — macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități / Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul 2: populația stabilă (rezidentă) — structura etnică și confesională // *Recensământul 2011.* Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (дата обращения: 31.05.2020).

Rajković 2005 — *Rajković M.* Višestruki identitet Čeha u Jazveniku // *Etnološka tribina: Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva.* Vol. 34/35, № 27/28. Zagreb, 2005. S. 237–287.

Statut opštine Bela Crkva 2008 — Statut opštine Bela Crkva // *Službeni list Opštine Bela Crkva 8/2008.* URL: <https://www.pravamanjina.rs/attachments/Bela%20Crkva%20-%20STATUT.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).

Škiljan 2016 — *Škiljan F.* Identitet pripadnika češke nacionalne manjine na području Grubišnog Polja // *Radovi Zavoda za znanstvenoistraživački i umjetnički rad u Bjelovaru.* Sv. 10. Bjelovar, 2016. S. 265–293.

Uherek 2011 — *Uherek Z.* Češi v Bosnë a Hercegovinë. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011. 230 s.

Urban 1930 — *Urban R. Čechoslováci v Rumunsku*. Bukurešť: Šmíd in Soběslav, 1930. 191 s.

Utěšený 1962 — *Utěšený S. O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid*. Praha, 1962. Roč. 49, № 5. S. 201–209.

Utěšený 1964 — *Utěšený S. Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid*. Praha, 1964. Roč. 51, № 1. S. 27–32.

Utěšený 1970 — *Utěšený S. O posrbšřování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč*. Praha, 1970. Roč. 53, № 3. S. 138–145.

Varga [2002] — *Varga E. Á. Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002*. URL: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 31.05.2020). 113 о.

Vyskočilová 2016 — *Vyskočilová K. Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat // International Journal of the Sociology of Language*. № 238. 2016. P. 145–167.

References

Auerhan, J. *Čechoslováci v Jugoslávii, v Rumunsku, v Maďarsku a v Bulharsku*. Praha: Melantrich, 1921. 207 p.

Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko. “Diskursivnye praktiki i metaiazykovoje kommentirovanie v rechi predstaviteľi natsional’nykh men’shinstv Bosnii i Gertsegoviny (na primere slavianskikh soobshchestv Respubliki Serbskoj).” *Južnoslovenski filolog*, knj. 76, sv. 2, Beograd, 2020, pp. 127–156. DOI: 10.2298/JFI2002127B.

Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko. “Polevoe issledovanie sredi vengrov i Chekhov v Tsentral’noj Khorvatii.” *Zbornik Janković*, vol. 4, no. 4, Daruvar, 2019, pp. 593–604. DOI: <https://doi.org/10.47325/zj.4.4.21>.

Ciplea, G. “Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat.” *Romanoslavica VII*, București, 1963, pp. 211–218.

Ciplea, G. “Unele caracteristici ale graiului moravo-slovac din Clopidia (Banat).” *Romanoslavica XIV*, București, 1967, pp. 283–292.

Đurić, V., editor. *Etnokonfesionalni i jezički mozaik Srbije*. Beograd: Republički zavod za statistiku, 2014, 209 p.

Ganenkova, T. S. “Polevoe issledovanie staroobriadtsev v Pol’she.” *Slavianovedenie*, no. 2, 2018, pp. 117–124.

Gecse, D. *Istoricul comunităților cehe din România (Așezare, evoluție etno-demografică și cultural-profesională)*. Timișoara: Editura Eubeea, 2011, 424 p.

Gecse, D. *Historie českých komunit v Rumunsku*, ed. A. Gecse, překl. z rum. do češ. J. Šabat. Praha: Herrmann & synové, 2013, 464 p.

Kokaisl, P., et al. *Krajané: Po stopách Čechů ve východní Evropě*. Praha: Za hranice — Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozně ekonomické fakultě ČZU v Praze, 2009, 437 p.

Pilipenko, G. P. “Ékspeditsiia k slavianam v Iuzhnuiu Ameriku.” *Slavi-anskiĭ al'manakh*, no. 1–2, 2018, pp. 289–300.

Pilipenko, G. P. “The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an identity marker.” *Slověne*, no. 1 (7), 2018, pp. 281–308. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05.

Plotnikova, A. A. *Materialy dlia étnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2009, 160 p.

Popis stanovništva, domaćinstva i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine. Etnička/nacionalna pripadnost, vjeroispovijest i maternji jezik. Banja Luka: Republički zavod za statistiku Republike Srpske, 2017, 78 p.

Popović, S. *Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo)*. Beograd: Filološki Fakultet Beogradskog Univerziteta, 196, 167 p.

Rajković, M. “Višestruki identitet Čeha u Jazveniku.” *Etnološka tribina. Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva*, god. 34/35, no. 27/28. Zagreb, 2005, pp. 237–287.

Škiljan, F. “Identitet pripadnika češke nacionalne manjine na području Grubišnog Polja.” *Radovi Zavoda za znanstvenoistraživački i umjetnički rad u Bjelovaru*, sv. 10, Bjelovar, 2016, pp. 265–293.

Tomić, M. “Govor Sviničana.” *Srpski dijalektološki zbornik, knj. 30. Rasprave i građa*, ed. by P. Ivić, Beograd, 1984. S. 7–265.

Uherek, Z. *Češi v Bosně a Hercegovině*. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011, 230 p.

Urban, R. *Čechoslováci v Rumunsku*. Bukurešť: Šmíd in Soběslav, 1930, 191 p.

Utěšený, S. “O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu.” *Český lid*, Praha, roč. 49, no. 5, 1962, pp. 201–209.

Utěšený, S. “Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě.” *Český lid*, Praha, roč. 51, no. 1, 1964, pp. 27–32.

Utěšený, S. “O posrbšřování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě.” *Naše řeč*, Roč. 53, no. 3, Praha, 1970, pp. 138–145.

Valentsova, M. M. *Narodnyĭ kalendar' chekhov i slovakov. Étnolingvističeskĭĭ aspekt*. Moscow: Indrik, 2016, 616 p.

Varga, E. Á. *Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002*, 113 p., <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf>. Accessed 31 May 2020.

Vyskočilová, K. “Czech language minority in the South-Eastern Romanian Banat.” *International Journal of the Sociology of Language*, no. 238, 2016, pp. 145–167.

Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)

Sergej A. Borisov

Junior Researcher

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: borisovsergius@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2321-9983

Citation: *Borisov S. A. Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina) // Slavic Almanac. 2021. No. 1–2. P. 310–328 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02*

Received 12.06.2020.

Abstract

The article provides an overview of a field study conducted among Czechs in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina in 2019. The first results are presented, samples of transcribed texts are given. The purpose of the expedition was to collect narratives for the proper linguistic study of contact elements, conversations were conducted, among other things, about the history of the resettlement of Czechs to the Balkans, about folk culture, and interaction with other Slavic and non-Slavic ethnic groups. In the three regions studied, the Czech language remains unevenly due to a number of linguistic and extralinguistic factors. There are very few Czechs left in Bosnia and Herzegovina; Czech is the mother tongue only for elder people living in rural areas. In Serbia, there are several schools where Czech language and culture are taught, and in Romania there are schools where in the primary grades all subjects are taught in Czech. The collected language data is a valuable source for studying local Czech dialects and contact phenomena (borrowings, code-switching). The metalinguistic comments used by informants when they have difficulties in their Czech language during a conversation with a researcher are of particular interest to sociolinguistics.

Keywords

Sociolinguistics, language contacts, Czech language, bilingualism, multilingualism, language situation, Romania, Bosnia and Herzegovina, Serbia, ethnic minorities, field research.